

Д

А. ВЕНЦОВА

ГЕРОИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

МАРИТЕ

9(с)27

В 22

Модерн Гвардия

Венцлова А.

Марите:

Литва испокон веку была трудовой, миролюбивой страной.

Литовцы любили свою землю, чтили священные дубравы, охотились на зверей и птиц, обрабатывали поля. Их песни славили труд, радость и счастье.

Но с запада поднялись черные тучи: на свободную землю литовского народа напали закованные в железо люди. Это были немецкие рыцари, захватчики и грабители. На их белых плащах чернели кресты, и, прикрываясь именем божьим, они начали зверствовать, грабить жилища, убивать женщин и детей. Дым от горящих селений поднимался к небу. Немцы угоняли на запад вереницы связанных пленников. Но литовский свободолюбивый народ сказал: лучше смерть, чем рабство у немцев.

Борьба была долгой и трудной. Два столетия полыхали заревом пожаров литовские села, замки и города. Кровь и слезы нес синий Неман в Балтийское море...

Но в гуде кровавых боев, в дыму пожаров закалялась Литва. Народ подымался из пепла, как сказочная птица Феникс, — он становился еще более сплоченным и стойким.

Старинные летописи рассказывают, как много ра маленький героический литовский народ громил крестоносцев. Он устал костями псов-рыцарей поля у Дурбе у Сауле, под Грюнвальдом. Литовский народ не ра объединялся с другими свободолюбивыми народами дл борьбы против крестоносцев, и самым верным ег союзником в этой борьбе был великий русский народ.

В 1410 году знаменитая Грюнвальдская битва дока зала всей Европе, что Литва в союзе с великой Руськ с поляками, чехами и другими славянскими народам непобедима. Командуя союзными войсками, велики князь литовский Витаутас разбил наголову вековог врага славян — немцев.

Имя Витаутаса и поныне сияет на страницах исто рии немеркнувшей славой. Память об этом великом вои не, как и память о героях народá: Миндаугасе, Гедими насе и Кестутисе, живет в сердце каждого литовца патриота.

Из тьмы веков встает образ Маргириса, чтобы и теперь, в наши дни, вдохновлять литовский народ на священную освободительную борьбу против старинног врага. Князь Маргирис в 1334 году был окружен в зámке Пуня крестоносцами. Отважно защищались ли товцы. Но силы были неравны: у Маргириса — горстка бойцов, у крестоносцев — многочисленное войско. В кро вавой сече погибли почти все защитники зámка. В во рота его уже ломились немцы. Чтобы не видеть торже ства своих вековечных врагов, свободолюбивый Марги рис сжег себя на костре вместе с любимой женой, с уце левшими жителями Пуни и со всеми богатствами зámка.

Легендарный подвиг новогрудской княгини Гражи ны воспет Адамом Мицкевичем. Гражина, видя, что е муж Лютаурас уклоняется от борьбы с крестоносцами надела его доспехи и повела литовские полки в бой. Она героически погибла, защищая родимую землю, и подвиг ее пережил века. Образ Гражины вдохновляе

тысячи литовских женщин, борющихся ныне против немецких захватчиков наравне с мужчинами на фронтах и в тылу.

Великая отечественная война выдвинула героев, которые встали в один ряд с самыми славными людьми литовского народа. Среди них — Мария Мельникайте.

Она принадлежала к тем людям, которые в обычной жизни по скромности своей стараются не выделяться из числа других, но которые проявляют подлинное величие духа, когда в их жизни или в судьбах их родины наступает решительный, критический момент. Такие люди способны перенести величайшие испытания. Богатыри духа, они как бы поднимаются над окружающими, над близкими и современниками. Они и на смерть идут с высоко поднятой головой. И смерть их становится для народа символом непобедимой жизни.

В дни Великой отечественной войны против немецких захватчиков Мария Мельникайте, защищая свободу своей родины, принесла ей в жертву самое дорогое — жизнь...

Живописен край, где родилась Мария Мельникайте. В прозрачных, как слеза, озерах восточной Литвы отражается голубое небо, на песчаных берегах дремлют сосновые леса. Земля здесь небогата. Потом поливает груженик песчаную, каменистую почву, чтобы вырастить на ней бедное зерно. Но, как бы вознаграждая человека за свою скупость, природа дарит ему извечную красоту: леса, рощи, живописные холмы и пригорки, озера — множество озер, рек и ручьев. Может быть, характер этого края наложил отпечаток и на его жителей: они ласковы и приветливы, но одновременно тверды и упорны в достижении своей цели.

Прекрасен этот край, и, пожалуй, лучше всего в этом крае город Зарасай. Он раскинулся на холме — зеленый, чистый, полный запаха лесов. По одну сторону

от него лежит большое голубое озеро Зарасае, по другую — озеро поменьше, Зарасайтис.

Марня Мельникайте родилась в апреле 1923 года в предместье города Зарасай — в Шалтупе. Марите¹ был вторым ребенком в семье: у маленькой Марите был брат, старше ее на год. Появление ее на свет родители встретили радостно, хотя жизнь семьи была не из легких. Слесарное ремесло отца едва могло прокормить семью. А через два года после ее рождения появилась на свет и сестренка, потом второй брат, еще одна сестра... Жить семье становилось все труднее. Работы отца было мало, да и та оплачивалась плохо.

Юозас Мельникас, отец Марите, целые дни стоял согнувшись, над верстаком, изготовлял, затачивал напильники. В базарные дни он шел в город и ставил на площади лоток, на котором раскладывал инструменты собственного изготовления. Бывали дни, когда отец возвращался с базара домой, не продав ничего. Забота о пятерых детях, мал мала меньше, ложилась на мать. Откуда только эта женщина черпала силы и терпение, чтобы упорно бороться с нуждой, прочно поселившейся в доме! Изодня в день Антанина, оставив детей на милость судьбы, шла на поденную работу. В центре города, меж двух парков, на тенистых улицах Витаута, Буканто, Дариуса и Гиренаса, помещались дома богачей: крупных чиновников, купцов, спекулянтов, разбогатевших на контрабанде. Мать Марите работала у этих богачей: убирала комнаты, полола огороды, стирала белье.

Да и сама Марите, едва исполнилось ей семь лет, почувствовала на своих слабеньких плечиках бремя жизни. «С семи лет, — пишет она в своей автобиографии, — я начала пасти у крестьян скот. Зиму проводила у отца с матерью. Ходить в школу не могла: у родителей не хватало средств платить за меня...» В летнюю

¹ Марите — уменьшительное от «Марня».

дару, в весенние и осенние ливни, в стужу пасла маленькая босая девочка чужие стада. Она тосковала по матери, по ночам снились ей тряпичные куклы, беззаботные игры с маленькими братишками...

Дни ее были полны ругани, попреков, затрещин, которые она получала от хозяев. Вставала Марите затемно, затемно ложилась спать. А иной раз и спать не приходилось — в те ночи, когда нужно было укачивать хозяйских детей, слушая скрип колыбели, носить их на руках по горнице.

Через год, когда девочке исполнилось восемь лет, родители Марите собрали последние гроши и отдали ее в школу. В школе все было, как в самой лучшей сказке! Сколько девочек, таких же, как Марите! Буквы единственно превращаются в слова, слова складываются в фразы, рождают мысли. Учитель, расхаживая по классу, рассказывает детям про чужие края, про невиданных людей, про растения и животных. От него дети узнают о Витаутасе, Маргирисе и Гражине. Впервые возникает в сердцах ненависть к врагам родной земли, впервые загораются глаза мечтой о подвиге...

У Марите одна одежонка и на зиму и на лето, но как бы ни был силен мороз, девочка бегала в школу. После обеда лед на озерах звенит под коньками и воздух полон веселых криков ребят. И Марите умеет кататься на коньках не хуже других детей, но ее тянет домой, к книгам. Нужно приготовить уроки к завтрашнему дню и потом всем своим существом уйти в книжки, взятые в школьной библиотеке.

Быстро пролетает зима. Уже стаял лед, засияло весеннее солнце. И снова утирает слезы мать: Марите снова уходит на все лето пасти кулацкий скот. На этот раз она не одна покидает родной дом, — с нею ее друзья — несколько книжек, бережно завернутых в платок.

Марите работает у чужих людей, работает ее старший брат, а в семье все так же прочно гостит бедность.

Хотя и стало в маленьком домике меньше двумя людьми, хотя старшие дети и кормят себя, но младшие подрастают, — им только давай... И вот кто-то рассказывает Юозасу Мельникасу, что есть в Литве такой прекрасный чудесный городок, где трудящемуся человеку легко жить. Город этот — Аникшчяй. Родители Марите решают переселиться туда.

Нищенский скарб семьи легко умещается на одной конной повозке. Прощайте, леса, озера! Прощай, прекрасный Зарасай, ты был не очень добрым к беднякам.

Аникшчяй не так чист и красив, как Зарасай. Грязной мостовой громко стучат колеса, ветер подымает тучи пыли на площади. И озер здесь нет, но зато можно купаться в реке Швентой, а роща за городом полна грибов, ягод, орехов. Там стоит Пунтукас — самый большой в Литве камень. Старые люди рассказывают, что ночью чорт нес его, чтобы разрушить Аникшчяйский костел. Да запел петух, чорт и не успел осуществить свой замысел — выронил камень недалеко от местечка. Вот камень и торчит здесь, удивляя всех своей величиной.

В Аникшчяй, как и в Зарасае, напильники отшлифованные были мало кому нужны. И здесь он возвращался с работы зара унылый, с пустыми карманами. И здесь мать работала на чужих людей. Нужда прилипчива...

Стремясь бежать от нее, семья переселяется в уездный город Рокишкис. Тут Марите удается закончить начальную школу. Девочка счастлива. Она хорошо читает, пишет, знает кое-что из природоведения, географии, истории. Она хочет учиться дальше, но недолго бедняцких детей существовала в Литве средняя школа.

Марите уже не маленькая, ей десять лет. Она не равне с родителями заботится о младших братьях и сестрах. Чтобы помочь семье, она снова начинает служить.

Теперь Марите берется за более ответственную работу.

оту: нянчить детей. У девочки ласковый, приветливый характер, она веселая, но вместе с тем и серьезная. Ее охотно нанимают рокишкисские интеллигенты. Хозяйства довольны Марите: она любит детей, дети быстро привязываются к ней; к тому же она знает много песенок, сказок.

Но труд няньки плохо оплачивается. Поэтому, как только Марите исполнилось четырнадцать лет, она поступает работницей на рокишкисскую конфетную фабрику «Аванти». Это громкое итальянское название совсем не к лицу маленькому захудалому предприятию, владелец которого норовит содрать семь шкур с рабочих. Нет, на фабричный заработок не только не помочь семье — самой не прокормиться! Марите переходит на другую фабрику. И здесь она заворачивает конфеты в бумажки; перебиваясь с хлеба на воду. Но Марите находит что-то, что удерживает ее на этой фабрике.

Здесь она впервые услышала о борьбе рабочих против эксплуататоров. Новые товарищи объяснили ей, что наступит время, когда все изменится, когда рабочие возьмут заводы и землю в свои руки, уничтожат рабство и нищету. Здесь Марите узнала, что есть на свете страна — Советский Союз, где все принадлежит трудящимся, где нет ни фабрикантов, ни помещиков. У Марите захватило дух, когда она слушала эти рассказы. Может быть, Страна Советов только мечта литовских рабочих? Почему Марите ничего не слышала о ней в школе, не читала в книжках? Иногда на фабрике появляются прокламации; рабочих, читающих их, арестовывает полиция. Владелец фабрики приходит в бешенство. Он кричит: «Большевики!» В его гнев Марите видит страх. Он боится потерять свою фабрику, он боится большевиков. Следовательно, они существуют, эти большевики! Следовательно, существует и Страна Советов! Значит, есть на что надеяться, к чему стремиться в этой тяжелой жизни...

Так и не найдя счастья в своих скитаниях по чужим городам, родители Марите решают вернуться в родную Зарасай. Марите поступает ученицей в портняжную мастерскую — не все ли равно, каким трудом зарабатывать деньги! Лишь бы не видеть слез на лице матери, лишь бы не слышать, как малыши просят хлеба.

Стоит прекрасное лето 1940 года. Сверкают на солнце зарасайские озера, носятся по их волнам легкие крылья лодки, по вечерам окна богатых домов горят яркими огнями, звучит музыка. Из Каунаса в Зарасай приезжают дачники. Как это люди отдыхают? Ни Марите, ни отец, ни мать ее никогда еще не отдыхали.

Дачный сезон в Зарасае был в полном разгаре, когда над головой богачей словно грянул гром среди ясного неба: большевики!

Счастье пришло на землю трудовой Литвы. Длинношеяе долгие годы владычество фашистских сметоновских банд рухнуло, как картонный домик.

Марите, заливаясь краской смущения и радости, подошла с букетом полевых цветов к советскому танку. Командир танка, большой, загорелый, с веселыми белыми зубами, протянул за букетом левую руку, а правой крепко пожал руку Марите. Он сказал:

— Спасибо, товарищ!

Марите не знала русского языка, но эти два слова она запомнила и, не понимая их, сердцем чувствовала их смысл: «Спасибо, товарищ». Она шла домой и шептала, улыбаясь, эти слова.

На улицах и площадях развеялся шелк красных знамен. Марите думала: «Вот и пришло долгожданное время: литовские рабочие и трудовое крестьянство возьмут власть в свои руки!»

Наутро на одной из тенистых улиц Зарасая, на двери дома, где жил до прихода советских войск богатый купец, у которого мать Марите стирала белье, Марите увидела дощечку:

«Уездный комитет Коммунистического союза молодежи города Зарасай».

Мария Мельникайте одна из первых пришла в комитет комсомола.

Она выглядела еще девочкой, но, всмотревшись в нее, можно было подумать, что ей не семнадцать, а и все двадцать лет. Тяжелая жизнь сделала ее синие ясные глаза строгими, миловидное лицо — суровым. Да и весь склад ее небольшой фигуры, манера встряхивать светлыми подстриженными кудряшками говорили, что перед секретарем комитета комсомола стоит не девочка, а человек, хорошо познавший и тяжелую нужду и тяжелый труд. Ее заявление о вступлении в комсомол было написано огрубевшей рукой работницы, но в нем не было грамматических ошибок, да и само оно являлось продуманным шагом: Мария знала, почему и зачем она вступает в комсомол.

Мир повернулся к ней другой, праздничной стороной. Она работала, как и прежде. Но работа стала радостной, легкой — не только потому, что был введен восьмичасовой рабочий день, а потому, что теперь Марите работала не на хозяина, а на себя, на свою Советскую Литву.

Первый выходной день, первый в жизни день отдыха! Марите усадила мать и детей в лодку и повезла на острова. Здесь под тенистыми липами отдыхали раньше только богачи. Лодки, озера, цветение лип, смех и радость — все это было раньше не для семьи Юозаса Мельникаса.

Марите кладет на колени матери голову и говорит:

— Теперь я вижу все!.. Весь огромный Советский Союз. Самый прекрасный город в мире — Москву. Самые красивые горы — Кавказ!..

Мать никогда не слышала о Кавказе.

— Да нет же, мама, — смеется Марите, — ты читала в библии о Ное и его ковчеге, приставшем к горе Арарат. Эта гора на Кавказе!

Марите полна мечтами. Но прежде нужно осуществить ту мечту, которая до сих пор осталась неосуществленной: учиться! В Советской Литве может учиться каждый, кто хочет, а комсомолке и подавно стыдно быть невеждой!

Марите не пропускает ни одного урока на курсах для взрослых. Теперь, когда ее уже нет в живых, когда каждому литовскому юноше и девушке дорога память о ней, подруги Марите с нежностью вспоминают, какой внимательной ученицей была она на курсах.

А комсомол? Каждое комсомольское собрание было для нее школой. Марите училась дисциплине, настойчивости, самоотверженности, разумной, осознанной любви к родине. Она знала — подлинные патриоты не те, кто торжественно декламирует о своей любви к родине, но те, кто всей душой ненавидит рабство и гнет, отсталость, нужду, кто отдает все силы на борьбу за светлое будущее родной земли.

Марите работала теперь с рассвета и до поздней ночи. Но, странное дело, работа, ученье, чтение книг не утомляли ее. День ото дня она становилась жизнерадостнее, веселее.

Ее товарищи, зарасайские юноши и девушки, вспоминают о Марите не только как об образцовой комсомолке. В рассказах ее товарищей Марите встает перед нами в своей повседневной жизни.

«Десять месяцев прожила я вместе с Марите, — пишет одна из ее подруг. — Была она среднего роста, довольно хрупкая. Лицо всегда свежее, с нежным румянцем, глаза синие, как зарасайские озера, а волосы светлые, густые, с прямым пробором посередине. Впервые я встретила ее в толпе девушек, — она была среди них самой красивой. Особенно была она хороша, когда смеялась или танцевала. А танцевать Марите любила: красиво получались у нее казачок, полька и суктиниc¹...»

¹ Суктиниc — литовский национальный танец.

«Марите хорошо бегала на коньках, — вспоминает другая ее подруга, — и как только у нее бывала свободная минутка, она доставляла себе это удовольствие. Марите была ловкой, смелой. Однажды мы большой компанией стояли на крутой горе. Стоим, а спуститься с горы на коньках страшно. Марите зажмурила глаза и... помчалась вниз! Затаив дыхание, мы следили за ней. Марите благополучно доехала до подножья горы, снова поднялась наверх и сказала: «Теперь ничуть не страшно», и, уже не зажмуриваясь, кинулась вторично вниз...»

У нее была огромная жадность к жизни. Каждая область жизни, культуры влекла ее к себе. Ее подруги рассказывают, что Марите любила играть в самодеятельных спектаклях. Но больше всего Марите любила книги. Ей было мало того, чему обучали на курсах. Она читала каждую свободную минуту — ночами, ранним утром, до начала работы. Ее глубоко волновали стихи, — она знала наизусть не одну строфу лучших литовских поэтов. Семнадцать лет все это, все достижения литовской и мировой культуры были для Марите закрыты, — семнадцать лет! Эти годы хотелось наверстать, хотелось полной мерой познать свое счастье.

Но счастье оказалось коротким.

Через год ранним летним утром это счастье оборвалось. Весть о том, что враг напал на родину, пронеслась по городу Зарасай.

Вековые кровные враги литовцев, потомки псовщарей, гитлеровские разбойники вступили на мирную землю Литвы. В Зарасае появились первые беженцы. Они шли запыленные, усталые, и глаза их лихорадочно горели, и рассказывали они страшные вещи:

— Немцы бомбят литовские города, сжигают села, убивают женщин, детей...

По ночам далеко на западе полыхали в небе огненные столбы: горели литовские местечки, крестьянские усадьбы.

Над городом появились первые немецкие самолеты. Они бросали бомбы на веселые, приветливые дома, обстреливали из пулеметов дороги, запруженные толпами людей. У самого Зарасая уже шли бои с немецкими десантниками, сброшенными на парашютах.

В первые же дни войны Мария Мельникайте исчезла из Зарасая. Нет, ее не было в толпе беженцев. Она ушла в подполье. Она осталась среди тех, кто готовился дать врагу отпор.

Не стало зеленого жизнерадостного Зарасая, родины Марите. Немецкие захватчики превратили город в груду дымящихся развалин и пепла.

Когда Марите была послана подпольщиками в разведку, она увидела, что от всего Зарасая уцелели только здание школы, народный дом да штаб милиции. Несколько домишек сиротливо стояло на окраине, но города не было — осталась груда обуглившихся бревен, кирпичного крошева и битого стекла. Под этими развалинами погибли многие жители города. Марите не знала: здесь ли искать ей своего отца, мать, братишек и сестер, или среди тех, кто успел убежать и прятался в лесах?..

Она потеряла свою семью, но с тем большей силой чувствовала она себя дочерью литовского народа. Немцы сожгли ее родной город, — тем ярче разгоралась в ее сердце месть за каждое разрушенное селение Литвы за каждую пядь поработанной литовской земли.

Купаясь в крови и слезах литовцев, шла по Литве кровавая фашистская орда. В первые же часы войны немецкие орудия обрушили на курорт Паланга сотни снарядов. До тысячи отдохавших здесь детей литовских трудящихся погибли в ту ночь. Раненная осколком снаряда, чудом оставшаяся в живых, служащая санатория рассказывала Марите о том, как металась в огне и дыму, плакали, звали своих матерей ни в чем не повинные дети, как гибли они под бомбами и снарядами.

В Кретинге немецкие палачи разбивали молотами головы людям на деревянных колодах. В Каунасе, в автобусном гараже, немцы расстреливали неповиных людей, — там погибло до пяти тысяч мужчин, женщин и детей. Тысячи людей были расстреляны из пулеметов и сброшены в ямы в Пивонийских лесах, близ Укмерге. Реки крови лились в предместьях Вильнюса, и Панеряйские поля за городом стали сплошным кладбищем.

Ужас охватил Литву. Кровавая волна зверств, о каких не знала история, прокатилась по городам и селам Литвы.

Вождь убийц и насильников, Гитлер рассчитывая сломить волю литовцев к сопротивлению, хотел в крови утопить литовский народ. Он знал, что маленький литовский народ двести лет героически боролся против немцев и не раз громил их в бою. Он знал, что литовский народ умеет вновь подниматься после каждого тяжелого удара и сражаться с врагами еще яростнее. И Гитлер решил навсегда покончить с литовским народом. Он уничтожил самое имя Литвы. На немецких картах она уже фигурировала, как «бецирк» (округ) Остланда. Он начал онемечивать край: даже древний Каунас был назван по-немецки — «Кауэн». Развалинам родного города Марии немцы дали название «Зюдерзее».

Террор в Литве достиг предела. Агенты гестапо искали коммунистов, искали патриотов. И как раз в это время коммунисты, литовские патриоты вышли из глубокого подполья. Из лесов вышли партизаны, исполнители священной народной мести.

Всего год была Литва советской. Но зерна свободы, посеянные в литовском народе партией Ленина—Сталина, дали свои всходы. Лучшие сыны Литвы с первых же дней оккупации поняли, что гитлеровские убийцы могут противопоставить великой идее свободы только одну «идею» — свое господство на могиле свободных народов. Глубокая вера в то, что победа будет за Со-

ветским Союзом, страстная, неудержимая ненависть душителям народа — вот что вело на борьбу и на смерть первых литовских партизан-героев, имена которых будут вечно сиять в лучах славы.

Вначале неравны были силы в этом поединке между свободой и рабством, светом и тьмой, жизнью и смертью. Партизаны иной раз небольшими отрядами, иной раз и в одиночку вступали в борьбу с гитлеровской армией.

Партизаны были вооружены винтовками и револьверами, немцы — танками, орудиями, минометами, автоматами. И все же Давид поднял оружие против Голлиафа. Литовский народ верил всем сердцем, что правда всегда лобещает ложь, что свобода одерживает верх над рабством и угнетением, что свет прогоняет тьму.

В эти дни на арену партизанской борьбы с захватчиками выходит и Мария Мельникайте. Она действовала в родном краю восточной Литвы, где сизмальства знала каждую тропку. По этим лесам, долинам и оврагам она бродила еще ребенком, когда пасла чужие стада. Уже тогда ей были открыты тайны родных лесов. Она любила эту землю, людей этой земли. Она любила свой народ, гордилась его героической борьбой в прошлом против того же врага, который сегодня жег и убивал литовцев. Сколько раз стояла она под мощным дубом в Стелмуйже, близ Зарасая, его не могли обхватить семеро мужчин, — стояла и думала, что этот дуб был свидетелем тех давних времен, когда весь литовский народ подымался на смертельную борьбу за свободу родной земли! Вековечный дуб, вошедший в народные сказания и песни, был могучим символом мощи и стойкости литовского народа.

Мария Мельникайте знала, что один в поле не воин. Она ищет товарищей.

В лесах, в стороне от больших дорог, в маленьких одиноких хуторках, в покинутых усадьбах она находила

друзей. Их пока немного: несколько юношей, ее ровесников. Со всей горячностью своего сердца она разъясняла им, что немцы никогда не смогут поработить Литву, что Литва снова будет свободной.

Сквозь огневую полосу фронта проникают известия из Советского Союза: немецкий натиск разбивается о все возрастающее сопротивление Красной Армии в Белоруссии; в соседней с Литвой республике разгорается партизанская война против немцев.

Мария узнает, что и в Литве летят под откос немецкие воинские эшелоны, взрываются склады боеприпасов, от пули народных мстителей гибнут палачи литовского народа.

С сердцем, горящим ненавистью к врагу, ходит Мария по селам и рассказывает людям правду о войне. Она убеждает крестьян прятать от немцев продовольствие. Она зовет их на месть. Слова ее, рожденные самым святым чувством — любовью к родине, пробуждают в людях мужество... И отряд друзей Марии Мельникайте растет и крепнет. Отряд вооружен винтовками, револьверами, кое-кто сумел обзавестись даже автоматом. Молодые партизаны отбили у немцев радиоприемник и теперь слушают сводки Совинформбюро, в десятках экземпляров переписывают их от руки и разносят по селам.

Крестьяне уже знают эту девушку в ситцевом платье, в голубом платочке, с глазами синими, как весеннее небо, и оветящимися неугасимым внутренним огнем. Они не знают, как ее зовут и кто был ее отец, но они знают: мать ее — святая правда. Ни разу эта девушка не обманула крестьян. Однажды она сказала:

— Под Москвой Красная Армия наголову разбила немцев.

Этому не сразу поверили. Но прошло несколько дней, и через Литву, на запад, потянулись вереницы эшелонов с ранеными и обмороженными гитлеровцами.

Когда убивают бешеную собаку, кто из людей не дуется? Эти тысячи раненых фашистов вызывали у товщев радость и надежду. Значит, правду говорит девушка в голубом платочке! И отныне ее встречали селах с верой, с радостью, с надеждой.

Сегодня вся Литва знает ее имя. И те, кому посчастливилось видеть ее, рассказывают, что весной целые села восточной Литвы собирались в лесах, чтобы послать отважную девушку. Она говорила о победах Красной Армии, о неизбежной и близкой гибели немецких захватчиков, об извечной победе жизни над смертью. И образ Марии Мельникайте встает в памяти людей как образ торжества жизни, бессмертия.

Тяжел путь горстки людей, вставших на борьбу с поработителями. Край был опутан густой сетью агентов гестапо. Настала небывало суровая зима. Отряд Марии в стужу, в метель, в непогоду находил себе приют в лесу, в болотах, в непроходимых чащах. Чем питалась эта самоотверженная молодежь? Тем, что давали верные, добрые люди. На каждом шагу партизан подстерегали сотни опасностей. Каждый знал: если его поймают, придет страшная смерть, с пытками, с издевательствами.

Но ничто не в силах было утратить, поколебать молодых патриотов. Родной край постигло горе — это значило для них, что их личная судьба становилась незначительной. Мария Мельникайте и ее товарищи видели людей, которых угоняют на германскую каторгу, видели кровавые слезы женщин и детей. Они слышали стоны людей в переполненных концлагерях и тюрьмах. Над всей Литвой стоял плач, проклятье, зубовный скрежет. Кто же из молодых патриотов не был готов отдать все силы, а если понадобится и жизнь, за то, что кончилась в родном краю кровавая ночь?

Никто ни разу не видел Марию в это время пленной. Она ни на минуту не верила в победу врага.

и на минуту не теряла присутствия духа. Она, как никто из ее товарищей, умела быть счастливой и в эти черные дни. Как радовалась она, когда пришла весть, что в советском тылу литовцы, бежавшие от гитлеровского рабства, объединяются в полки и выступают рука об руку со всеми народами Советского Союза на защиту родины: Мария с таким воодушевлением рассказывала об этом в селах, что в сердцах ее слушателей зарождалось чувство гордости и надежды. И в тех районах, где бывала она, люди не ждали покорно, пока их томят на германскую каторгу, но уходили в леса, организовывали отряды для борьбы с немцами.

Война, которую немцы рассчитывали закончить в несколько недель, тянулась месяцы, годы. Мария становится опытным, закаленным в борьбе бойцом. Она — искусная разведчица, она в совершенстве владеет не только винтовкой и револьвером, но и автоматом, пулеметом, гранатой. Она ходит на диверсии. Хрупкая, маленькая девушка борется за счастье своего народа наравне с мужчинами-партизанами.

Вот на полях далеких сражений свершается новое событие, поворачивающее ход войны. Мария снова становится агитатором, снова несет по селам весть победы.

Немцам нанесен новый удар страшной силы. Их армии окружены, уничтожены или захвачены в плен под Сталинградом.

В городах Литвы немцы вывешивают на несколько дней траурные флаги — знак скорби по немецким солдатам, погибшим у стен волжской твердыни.

«Это не только скорбь, — говорит в селах Мария, — но и предчувствие гибели, конца...» И ей верят даже самые малодушные, даже те, кому вначале казалось, что Германия, эта огромная военная машина, непобедима. Будто искры великой Сталинградской битвы долетают сюда, а пламя партизанской войны с новой силой пылает в Литве.

Понеся огромные потери, немцы все быстрее ощущают недостаток в пушечном мясе. Самыми жестокими средствами они загоняют в свою армию сынов пораженных народов. В марте 1943 года они пытаются организовать из литовцев эсэсовский легион. Но литовский народ отвечает упорным сопротивлением. Трусы можно перечесть по пальцам: вот они робко жмутся, напуганные немецкими репрессиями, у дверей регистрационных пунктов. Да и то нужно подождать называемых всех трусами: есть среди них и такие, что, получив задание, при первой же возможности бежали в леса партизанам.

Теперь партизаны — это уже не бойцы-одиночки, мелкие соединения бойцов. Они объединились в мощные отряды, названия которых гремят по всей Литве: «Грюнвальд», «Маргирис», «Вильнюс», «За родину». Их подвиги приводят в трепет немецких захватчиков и подавленных им изменников. Их боевые дела зовут на помощь с фашистами тех, кто еще не взял винтовку в руки. Путь к лесным чащобам один для всех: путь каждого, у кого созрела в сердце решимость защищать свободу родного края, у кого не дрогнет рука, чтобы пустить пулю в захватчика.

Мария Мельникайте — в центре партизанской борьбы. Она появляется всегда неожиданно, там, где меньше всего ждут враги. Сегодня ее отряд преследует под откос немецкий поезд с военной техникой и солдатами, завтра взрывает склады и в тот же день, но на десятки километров от места взрыва, совершает смелый налет на населенный пункт и уничтожает немецкий гарнизон. Никто и поныне не знает настоящего имени Марии: даже товарищи называют ее не Марией Мельникайте, но «Квосайте». Враги Литвы знают это имя, оно наполняет их сердца страхом.

Тяжел и смертельно опасен каждый день партизанской борьбы в тылу врага. Сколько раз за годы Оте

енной войны слышали мы по радио, читали в газе-
х, что партизаны Белоруссии, Украины, Литвы
стили под откос вражеский эшелон, взорвали склад
е припасов! За десятью словами информации скрыты
ромные трудности, с которыми связан любой эпизод
ртизанской борьбы.

Товарищи Марии Мельникайте рассказывают, что
а не теряла присутствия духа даже в самые тяжелые
опасные минуты. Часто ей удавалось самой избежать
бели и спасти от нее товарищей только благодаря
му, что она никогда не утрачивала веру в свои силы.
днажды ее отряд был окружен большим отрядом не-
цких карателей, вооруженных пулеметами и автома-
ми. Немцы охватили партизан полукольцом и теснили
к широкой реке. Мутные холодные волны весеннего
водка несли балки с размытой плотины и вырванные
корнями деревья.

Положение казалось безнадежным. Мария оглядела
арищей и поняла, что они не в силах прорвать вра-
еское окружение, да и патроны были на исходе.
берег реки все ближе, и все ближе враг...

— Не падайте духом, товарищи! — крикнула Ма-
я. — Мы спасемся! За мной — в реку!..

И, как всегда, подавая пример товарищам, она пер-
бросилась в бурлящую воду. Ее обожгло ледяным
одом, но коченеющими руками она успела обхватить
евно, перевела дух и оглянулась на своих товарищей.
нечно же, все они плыли вслед за нею! Малодушных
ее отряде не было. Немцы приблизились к самой реке,
ад пуль бородзил воду, но погиб только один това-
щ. Остальные достигли противоположного берега, где
приютил лес. Немцы, разумеется, не отважились
нуться в ледяной поток и отказались продолжать
гоню.

Иной раз не только устное слово, переданное из

Советского Союза по радио, но и советские газеты ходили до литовских партизан.

«Какой это бывал для нас праздник! — вспоминаю одна из подруг Марии. — Мы усаживались в лесу, вокруг костра, и при отблесках его пламени читали газеты и книги, дошедшие до нас. Помню вечер, когда развернув дрожащими от нетерпения руками московскую «Комсомольскую правду», нашли в ней снимок статуи отважной Зои Космодемьянской и отрывки поэмы Алигер «Зоя». Мария Мельникайте к этому времени уже неплохо говорила по-русски, но читала недостаточно свободно. Она попросила одного из товарищей прочесть стихи вслух. Тихим был в тот вечер листопад, листья не шелестели, и птицы уже утомонились к ночи. Будто не только мы, но и вся природа слушала волнительный рассказ о легендарной Зое... Когда товарищ кончил читать, на глазах Марии сверкали слезы. Никогда, ни разу за время войны мы не видели, чтобы она плакала. Она попросила: «Прочти еще раз». Еще я еще, мы еще раз слушали мы слова поэмы, — простые волнующие слова о московской девушке, героически погибшей за свободу своей великой родины. Ее не сломили пытки, она не склонила голову даже перед виселицей...

Костер догорал. Погруженные в мысли о Зое, мы забыли о нем. Сидели молча, не шевелились. Наконец одна из девушек сказала: «Трудно быть такими, как Зоя».

Мария промолчала, потом, встряхнув головой, сказала тихо, но очень твердо:

«И мы можем быть такими, как Зоя. Надо очень сильно, сильно хотеть быть такими же...»

Она подложила хворост в костер, взяла газету и долго, беззвучно шевеля губами, читала. Как прекрасно было лицо Марии в эти минуты! Она вырезала из газеты о Зое и положила на груди, у сердца, где хранила свой комсомольский билет и самые дорогие письма.

Слава об отважной литовке летела по всей восточной

ой Литве. Ее любили не только товарищи, боровшиеся
рука об руку с нею, — любил ее весь поработанный на-
род. Сколько раз крестьяне прятали ее, забредшую
ночью в отдаленное село! Всегда, даже в самом бедном
доме, находился для нее, изголодавшейся после похода,
комочек хлеба, чашка молока. Впрочем, она никогда не
жаловалась на голод, не искала теплого пристанища.
Она была партизанкой, а для партизана привычная
жизнь — небо и дом — зеленый лес.

Враги неустанно охотились за Марией Мельникайте.
Агенты гестапо трудились днем и ночью, вынюхивая
подступы к ее отряду. Но Мария Мельникайте со сво-
ими товарищами была неуловима.

Все чаще срывались с железнодорожных откосов
вражеские воинские эшелоны. В воздух летели горящие
бомбы складов. Горели поместья и хозяйства, захва-
ченные немецкими колонистами. Партизаны отбивали у
немцев скот, отнятый у населения, и возвращали его
крестьянам. Падали под партизанскими пулями фашист-
ские захватчики, гнавшие литовцев в Германию на
работоргу... Эта непрерывная борьба во вражеском тылу
оттягивала значительные силы врага с фронта, нару-
шала регулярную доставку оружия на фронт, мешала
немцам обогащаться за счет литовских крестьян.

Фашисты организовали крупные карательные отряды.
За головы партизан немцы сулили тысячи марок. За-
хватчики пошли на самую грязную ложь: они заявляли,
что не немцы, а партизаны убивают и вешают на теле-
графных столбах мирных жителей. Но кто мог поверить
в эту лжи? Не нашлось и таких негодяев, которые ис-
какали бы свою душу и руки тысячами немецких ма-
рок. Литовцы, чем могли, старались поддержать своих
партизан.

В непрерывных боях пришло лето 1943 года, послед-
нее лето Марите...

По голубому небу летят пушистые облака, и полет

ия отражается в синих озерах Зарасайского края. К облакам возносятся вершины зеленые сосны и ели. Вниз меж деревьями, бегут по песку узенькие ручейки. Тихо, будто и нет войны или она где-то далеко-далеко. А она здесь, на каждой лесной тропинке, на каждой дороге, в каждом селе, в каждом доме.

Немецкие убийцы, отчаявшись уничтожить партизан, жгут деревни, убивают жителей, угоняют молодежь в концлагерь. Не звучат уже по деревням песни, поля пусты. Только... На них выходят только старики, пожилые женщины да дети. Они полны заботы о завтрашнем дне. Глаза им покраснели от слез — они потеряли своих близких.

Но вот в тишине и безмолвии полей грохочут выстрелы, разрывы ручных гранат. Это народные мстители обстреливают дорогу, по которой проезжают немецкие автомашины с реквизиционными, мобилизационными миссиями, с карательными отрядами... У тихо дремлющих озер, на лесных дорогах, у околиц деревень внезапно вспыхивают короткие, но яростные схватки. После них немецкие отряды, численно обычно превосходящие партизан, в страхе отступают... А то, пронюхав, что в лесу партизаны, немцы подвозят к опушке минные меты и начинают вслепую палить в глубь чащобы...

Немцы шумят до наступления вечера. Но как только темнеет, они усаживаются в машины и отправляются в ближайšie местечки, где есть блиндажи, доты и дзоты. Нет, на ночь они не рискнут остаться близ леса!..

Коротка летняя ночь. Едва погаснет закат на западе, едва утомятся птицы в лесах и полях, — на востоке уже встает новая заря. Светлеет гладь озер. Пройдет час, другой, и стволы сосен станут медно-красными лучами солнца. И весь мир, забывшийся недолгим бесконечным сном, снова проснется для борьбы.

Всю ночь пробиралась Мария с товарищами по глинистым тропкам, от деревни к деревне, по заросшим сорняками полям. Не в первый раз шла она выполнять задание.

командира объединенного партизанского отряда. С нею шли товарищи — пять верных боевых друзей, которые давно делили с нею и опасности борьбы и радости успехов. Мария верила в их смелость и преданность, и они, в свою очередь, знали, что Мария при встрече со смертью смело посмотрит ей в глаза и недешево отдаст врагу свою жизнь.

Задание, которое они должны были выполнить, было важным и трудным. Командир знал, что им придется пробираться по районам, где сильны немецкие гарнизоны, где охраняются все дороги. И он выбрал эту пятерку — самых проверенных товарищей отряда, а командиром группы назначил Марию. И вот теперь, в свете зарождающегося утра, шестеро друзей вспоминали о том, как они прощались в лесу с товарищами. Эти прощания, несмотря на их внешнюю суровость, были всегда волнующими: ни уходящие на задания, ни остающиеся в лесу не были уверены, что им придется когда-нибудь свидеться.

Было это недалеко от села Римше. Утомленные долгим переходом, Мария и ее товарищи вошли в небольшой лесок. Еще не высохла утренняя роса. Молодые партизаны выбрали укромное место и сели отдохнуть. Сняли автоматы, рюкзаки, распаковали провизию. Это июльское утро казалось Марии необычайно прекрасным. Лес, звенящий тысячами птичьих голосов, стоял радостный, полный прохлады и дыхания жизни.

И вдруг на опушке хрустнула ветка. Партизаны насторожились, но было уже поздно: карательный отряд окружил лес. Немцы выследили Марию. Всю ночь по пятам за ее группой шли гестаповцы.

Партизаны заняли оборону. Затрещали автоматы. Немцы открыли ураганный огонь. Сквозь стволы деревьев Мария видела, как со всех сторон приближаются враги. Они жмутся к земле, укрываются за пнями, загибают в русле высохшего ручейка.

Вырваться из кольца окружения надежды не было. Оставалось только защищаться, стараясь нанести врагу как можно больший урон.

Партизан было шестеро, немцев — крупный отряд. И вооружены немцы были не только автоматами, — опушки леса то и дело бил миномет.

Началась неравная борьба. Маленькая горстка партизан мужественно держалась. «Хорошо, что мы захватили много патронов», думала Мария Мельникайт, вставляя в автомат взамен расстрелянного диска новый. В это время один из ее товарищей упал ничком. Мария окликнула его. Он молчал...

Теперь их осталось всего пятеро. Бой продолжался. Лес стонал от выстрелов. Пули обрубали ветки, и они падали на головы партизан. Звенели под ударами свинцовые стволы сосен. С визгом летели, ломая деревья и кусты мины.

Солнце стояло высоко на летнем небе. «Хорошо, товарищи, — думала Мария, — что смерть пришла в бою, и в такой хороший, ясный день...» В живых теперь осталось только двое: юноша с далекого хутора и Мария. Один товарищ погиб, не выпуская из рук до последнего момента автомат, двое умерли в мучениях смертельных ран, нанесенных осколками мин.

Но вот не стало и юноши с далекого хутора. Мария в пылу битвы и не заметила, как он был убит. Двое было на исходе. Расстреляв все свои патроны, Мария собрала диски погибших товарищей и продолжала бороться. Она устала. Глаза ее налились кровью и горели, как в лихорадке. Словно сквозь кровавую пелену, видела она врагов. Гестаповцы, заметив, что она осталась одна, осмелели, подползали все ближе, рассчитывая захватить ее живой. Вот когда они узнают, кто она такая и кто командир отряда, и где скрываются партизаны и откуда получают оружие!

Мария понимает, что наступили последние, решающие

льные минуты ее жизни. Нужно, чтобы и они не проли даром. Семь немецких палачей уже пали сегодня под пулями автомата Марии. А ее погибшие товарищи с честью боролись до конца; свидетелями тому деревья, трава и небо Литвы. Кровь погибших впитала родная земля. Когда и ее рука ослабеет, доброе родное солнце, закат которого сегодня красен, как кровь, озарит последним лучом ее лицо и будет свидетелем ее смерти. Родная литовская земля приютит усталое тело своей дочери...

У ног Марии лежат пустые диски. Стрелять нечем. Немцы подкрадываются все ближе. Она видит их перекошенные от ярости лица. И в самую гущу гестаповцев Мария бросает гранату.

Взрыв оглушает ее, но через минуту она приходит в себя. Граната сделала свое дело: еще несколько немцев корчатся на земле.

Мина разрывается рядом. Острая боль проходит по всему телу Марии, — впервые за этот день она испытывает страх: раненная, она может живой попасть в руки гестаповцев. Собрав все свое мужество, Мария нащупывает своего пояса вторую гранату. Она не сдастся живой палачам, она взорвет себя. Но силы покидают ее, она истекает кровью, рука ослабела и не может вытащить гранату.

Мария Мельникайте в руках палачей...

Гестаповцы сгоняют местных жителей на допрос партизанки. Офицер гестапо в отличном настроении: много и много погибло сегодня его послушных псов, но в руки его попала наконец партизанка, — надо думать, именно та, за которой он давно уже охотился.

В крестьянской избе окровавленная Мария Мельникайте стоит перед своими палачами. Сначала они обещают простить ее, пусть только она выдаст товарищей, скажет, где они скрываются.

Мария молчит.

Офицер говорит ей, что в его власти изрубить ей куски, содрать с нее кожу, выколоть глаза. Она едва держится на ногах. Она вспоминает Зою. И пытали, прежде чем... Мария встряхивает головой и ворит:

— Я вам ничего не скажу!

Тогда гестаповцы пытаются ее. Слышно, как хруст раздавленные дверью пальцы девушки, но не слышно ее стонов.

Докрасна раскалив в печи шомпол, немцы жгут подошвы. Она молчит. Тогда палачей охватывает шенство. Они швыряют измученное, окровавленное тело Марий на пол и бьют шомполами, топчут сапогами.

Партизанка молчит...

Кажется, целую вечность длятся неслыханные, вообразимые пытки. Наконец Мария теряет сознание. Но едва она приходит в себя, палачи снова принимают за свое подлое дело... Как долог, как мучителен путь к смерти! Мария ждет ее, как величайшего блаженства. Ее губы искусаны до крови, глаза потемнели от мучения, лоб изборожден морщинами страдания, но жива светлая душа! Мария говорит громко, чтобы слышали крестьяне этого села, чтобы услышала вся родина:

— Я боролась и умираю за Советскую Литву. За что вы пришли сюда? Только смерть найдете вы в моем краю, немецкие псы!

Гестаповцы ножами полосуют грудь Марии. Чем крепче стискивает она окровавленные губы, чтобы одним стоном не выдать врагам своих мук.

В ночь на 13 июля на площади маленького местечка восточной Литвы Дукиштас палачи поставили виселицу.

Наступило утро. Жители местечка со страхом смотрели на виселицу. Она была залита солнцем раннего утра, и тень от нее лежала длинная, черная, тянувшаяся через всю площадь и, криво изломавшись, ползла вверх по домам...

В двери домов, пугая людей, начали стучать прикладами винтовок гестаповцы: они сгоняли население стечка на площадь, к виселице.

И вот на боковой улице показалось траурное шествие. Впереди шла девушка, окровавленная, избитая, в изорванной одежде. Никто в местечке не знал ее, но каждому казалось — она несет на своих плечах всю боль родного края, все тяжкое бремя горя, постигшего Литву.

Она еле передвигала окровавленные ноги; плечи ее, которых заеклась кровь и висели лохмотья изорванного ситцевого платья, были опущены; каждый шаг, каждое движение были для нее мукой. Направив на нее пулеметов, грохоча каблуками, за нею шли гестаповцы.

Шествие подошло к виселице. Мария вскинула голову. Нет, и жесточайшие муки не сломили ее душу! Лицо ее и сейчас было прекрасно, и сейчас синие глаза сияли внутренним светом. Она смотрела на согнанных на виселице людей, на женщин, утиравших слезы. Они плакали и муки Марии, и свое горе, и неволю родной земли.

Потом Мария взглянула на виселицу. Над ней сияло чистое небо Литвы. О чем думала она в эти последние минуты своей светлой, своей героической жизни? О матери, об отце, о сестрах и братьях? Или в памяти ее мелькнул родной Зарасай — озера, леса, школа? Или о своих боевых товарищах вспомнила сейчас Мария? Сельникайте?..

Палач подтолкнул Марию к виселице. Еще раз обвела она взглядом людей, согнанных смотреть на ее смерть. Вот старушка с младенцем на руках. Вот истинно жметесь к матери девочка, худенькая, босая. Какой была когда-то и она, Марите. Теперь она умирает за них. Умирает за то, чтобы эта девочка, этот ребенок, тысячи и миллионы людей были счастливы.

Чтобы никогда их не терзали, не убивали немцы. Что край вновь увидел солнце свободы, еще более светлее, чем то, которое сейчас померкнет в ее глазах.

Привычным резким движением головы Мария бросила назад светлые волосы, собрала все силы и сказала последние в своей жизни слова:

— Да здравствует Советская Литва! Да здравствует товарищ Сталин!

Они были сказаны не громко. Но их услышали люди, согнанные смотреть на смерть Марии. Их услышала вся Литва, весь Советский Союз. И через столетия будут слышать юноши и девушки Литвы, потому что в этих словах Героя Советского Союза Марии Мелькайте жизнь торжествует над смертью, правда над ложью, свобода над рабством.

